

СВОБОДА КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛ ЛИЧНОСТНОГО БЫТИЯ

Проблема свободы издавна относилась к разряду важнейших в европейской философской антропологии: варианты ее решения предлагались Августином, Спинозой, Гольбахом, Гегелем, представителями детерминистического направления в философии. Применяемый ими метод рациональной рефлексии обеспечил глубокий теоретический анализ самой проблемы и ее важнейших аспектов: вопроса о свободе воли, моральном выборе, соотношении рационального и эмоционального, индивидуализации и автономизации, личной ответственности и т. д. Между тем, рационалистические модели свободы неизбежно сталкивали ее с необходимостью, что делало проблему трудноразрешимой в позитивном для личности смысле.

Особенностью экзистенциального осмысления свободы является то, что она связывается с важнейшими аспектами человеческого самоопределения, с личностным поиском и самосозиданием, с конструированием собственного «я», а также моделей взаимоотношения с миром. В этом контексте свобода наряду с духовностью представляет собой один из фундаментальных экзистенциалов, конституирующих личность. Уточню, что под экзистенциалами подразумеваются абсолютные условия проективности сознания, укорененные в непосредственности человеческого бытия.

Традиционное для детерминистских теорий понимание свободы как осознанной необходимости верно схватывает момент «заброшенности» человека в мир объективных закономерностей, где человек зависит от природных и исторических условий, детерминирован влечениями и чувствами, подчинен кодексу социальных норм, ощущает зависимость со стороны других людей и социальных групп, вынужден удовлетворять свои физиологические потребности. Однако абсолютизация необходимости не оставляет места для объяснения самого интимно-личностного компонента человеческой деятельности, а именно механизма

самореализации, обусловленного духовной и психологической неповторимостью каждого индивида. Кроме того мистифицируется и сам исторический процесс, представленный универсально-исторической тотальностью, где личность выполняет роль простого проводника каузального абсолюта и должна способствовать, благодаря познанию причинности, осуществлению закономерности.

Однако интеллектуальное овладение бытием предполагает такую степень свободы, которая выявляет не только навязанные реальностью антиномии, но и возможность совершать это различными способами. Характер человеческой деятельности в таком случае будет зависеть и от индивидуальных качеств и способностей субъекта, а не только от результатов, к которым стремится закономерность. Иначе говоря, если мы воспроизводим природные связи, мы подчиняемся навязанной нам каузальности, реалии же культуры и социума гносеологически непредсказуемы или предсказуемы с определенной степенью вероятности, поскольку их содержание определяется разнонаправленными совокупными свободными действиями множества субъектов, что придает процессу социокультурной эволюции диссипативный, зависимый от случайности характер. Собственно, необходимость есть контаминат, внутри которого разворачивается стохастическое движение индивидуальных свободных поисков личностной самореализации. Именно задачами самореализации определяются горизонты свободы, которая у каждого своя и зависит от уровня развития личности: ведь ее смысл заключается не в освоении всего объема внешней свободы, а в созидании человеком собственной духовности.

Свобода - это не попытка стать над реалиями бытия и необходимостью, не подчинение их субъективному духу. Природа - это царство необходимости, ставящее границы свободе познающего и действующего субъекта: границы эти способны расширяться, но никогда не могут быть уничтожены. Пределом, за которым данная граница исчезает и свобода превращается в необходимость, является смерть. Человек, встречаясь со смертью, не имеет выбора. Здесь он предельно индивидуален и абсолютно незаменим. Этот момент отмечает М. Хайдеггер, утверждая, что в своей конечности человек сливается с бытием, обретает в смерти свою исключительно индивидуальную возможность истинного бытия (Хайдеггер М. Преодоление метафизики // Философия Мартина Хайдеггера и современность. - М., 1991. - С. 217). Природа - это бытие.

Свобода противоположна природе, а значит, и бытию. Поэтому свобода представляет собой прыжок в ничто, проецирование смерти. И поскольку это действительно исключительно индивидуальный акт, то только встреча со смертью позволяет человеку обрести себя как личность.

Отсюда легко выводится мысль, что, как родовое существо, человек несвободен, а носителем свободы здесь может выступать только конкретный индивид. Согласно Хайдеггеру, реальное, конкретное «здесь бытие» приобретает свой смысл только как присутствие, дающее богатство изменений того, что есть предметом мышления. А поскольку возможно «...определить богатство изменений присутствия, если мы обратим внимание на то, что присутствие обнаруживает себя как... предметность, как положение самополагания в смысле воли разума, воли любви, воли духа, воли власти: как воля к воле в вечном возвращении одного и того же» (Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. - М., 1991. - С. 106), то данное «присутствие» и будет выступать как основа самоопределения «заброшенной в мир» личности. Но в таком случае, самореализация представляет собой путь к смерти – единственный выбор, который оставляет человеку М. Хайдеггер.

Свобода действительно обнаруживает себя в предельной ситуации, где экзистенциальная природа индивида проявляет себя наиболее отчетливо. И нет ничего удивительного, что экзистенциальный акт самотрансцендентирования при встрече со смертью является итогом и окончательным выводом всей подлинно человеческой сущности. Однако, сущность человека не возникает спонтанно лишь в экстремальных условиях, а проявляется постоянно и регулярно в любом моменте повседневного бытия, в актах ежедневного выбора способа экзистенции. Собственно говоря, вся человеческая деятельность, как материально-предметная, так и духовная, представляет собой действительное самообнаружение непосредственности субъективной жизни. Любое деятельностьное опосредование есть непосредственная практическая трата человеческой жизни, выражение ее сущности. В ежедневном обосновании возможностей своей свободы человек стремится отыскать элементы совершенного бытия в том виде, который продиктован его представлениями об идеале. И если свобода будет проявляться только в возможности выбора в пользу небытия, а не в напряженном ритме творческого преобразования своей жизни, то как мы можем овладеть тождественной ничто свободой?

Итак, свобода - это такое отношение к бытию, в котором присутствует необходимость в качестве условия или предпосылки. Необходимость совпадает со свободой в том случае, когда данность реального бытия обнаруживает себя в имманентной непосредственности жизненно-практических опытов. При этом понимание человека как сугубо биологического существа абсолютизирует момент естественной предопределенности и заставляет его действовать только в одном измерении - природном. Редукция человеческой сущности исключительно к социальным дефинициям ведет к утрате созидательной творческой энергетике экзистенции, и вместо живой уникальной личности исследует абстрактного носителя родовых и классовых признаков. И только понимание человеческой сущности как природно-социально-духовной дает нам ключ к решению проблемы.

Будучи духовным существом, человек обладает экзистенцией, которая не совпадает с бытием. Это несовпадение и выражает меру овладения свободой, поскольку в акте свободного выбора мы не только трансцендируем будущее (этого недостаточно для бытия свободы), но и выбираем формы и способы самого отношения к свободе бытия. Человек, соотнося себя с сущим, вынужден вступать в отношения с миром, тем самым обрекая себя на свободу. Ведь каждый акт преодоления случайных обстоятельств на пути к цели ставит перед индивидом требование выхода за пределы автоматизма, рефлексии над своими действиями и интенции на кого-то или на что-то. Именно через согласование внутреннего мира с внешним опытом выявляются способы и формы самоопределения личности. Поэтому свобода представляет собой один из наиболее действенных факторов самореализации личности. Быть свободным - значит «реализовать в себе статус человека» (Крутова О. М.), «заключать в себе самом причину существования и развития» (Межуев В. М.), «творить себя и свои обстоятельства» (Демин М. И.), «формировать свою судьбу и себя как личность» (Сохань Л. В.), а свобода - это «приобретение себя» (Юнг К.), «акт выбора себя самого» (Сартр Ж.-П.), «универсальная способность к самоопределению» (Мурашов В. И.), «творческая активность сознания» (Мысливченко А. Г.). Здесь, как и во многих других философских дефинициях, акценты расставляются на внутренних, позитивных характеристиках свободы: свободе воли, самотворящем духе, свободе выбирать свой жизненный путь и т. д. Однако, свобода - это способ отношения

экзистенции к бытию, который по сути своей амбивалентен и включает, кроме самоопределения, также и самоотрицание. «Ведь свобода требует от субъекта как утверждения себя вопреки внешней детерминации, так и постоянного преодоления собственной ограниченности, унаследованной от природы и своего прошлого. Самоотрицание есть путь приобщения субъекта ко всеобщему, без чего нет подлинной универсальности и свободы.» (Самченко В. Н. Размышления о свободе // Философские науки. - 1991. - № 4. - С. 4). Данная мысль нуждается в конкретизации, задача которой - отграничить родовую несвободу от индивидуальной зависимости. Если самоотрицание (читай: приобщение ко всеобщему) выступает как ограничение свободы необходимостью толерантного сосуществования индивида в обществе и отрицание собственной недостаточности в ходе самосовершенствования, тогда данный тезис верен безусловно. Самоотрицание в таком случае будет представлять условие следования субъективным максимам, категорическому императиву, полагаемому самим индивидом для себя в качестве нравственного закона. Поскольку выбор данных максим осуществляется добровольно, то субъект сам принимает на себя ответственность, благодаря чему становится личностью. Индивидуальность его при этом не только сохраняется, но и получает новый стимул к развитию. Если же приобщение ко всеобщему происходит за счет внешней регуляции жизнедеятельности индивидов, растворения личности в макрополитических структурах, унификации идеалов, то возможности индивидуальной самореализации значительно сужаются за счет потери креативного начала.

Автохтонность и суверенность личности с необходимостью выступают основой духовной свободы человека, его самотрансцендентирования и способности к полаганию идеала. Свобода идеала и стремление к нему делают жизнь осмысленной. Человек (и в этом открытии экзистенциализм совершает шаг вперед по сравнению с гуманистическими теориями предшествующих эпох) не есть цель экзистенции, а, наоборот, экзистенция содержит эту цель в себе. Поэтому, например, счастье не может быть целью жизни, а выступает сопутствующим моментом деятельности и служит показателем степени самореализации личности в той или иной сфере. Осознание себя счастливым дается человеку в такой момент его бытия, в котором достигается его самовыражение как свободного существа. Состояние счастья не может быть продолжительным, поскольку в нем дух ощущает себя

самодостаточным, а значит, необладающим необходимым стимулом к творчеству. Самореализация же - многомерный процесс, никогда не завершающийся и бесконечный. С социальной точки зрения, счастье не может быть целью человеческой жизни и потому, что для кого-то оно может быть связано с подавлением другой личности, с посягательством на чужую свободу. Экзистенциальная философия утверждает не право человека на счастье, а внутреннее достоинство личности, ее право на саморазвитие и духовный прогресс.

Следовательно, понятие свободы шире, чем понятие счастья, так как включает в себя не только то, что дано как безусловное (в данном контексте - желание быть счастливым), но и то, что выражает саму суть человеческой экзистенции, а именно основания выбора. Определяясь в поисках своего назначения, личность принимает на себя (выбирает для себя) законы экзистенциальной конкретности, согласно которым пытается строить свое бытие. Позитивность такой программы достигается через автономную целостность субъекта, когда цель выступает организующим моментом экзистенции в ее стремлении к овладению бытием. Свобода, таким образом, является для экзистенции возможностью осуществить саму себя или, иначе, причиной экзистенции. Цель же выражает содержательный уровень субъекта в момент целеполагания, по ней можно судить о том, в какой степени личность осознает себя свободной и как далеко ее свобода раздвигает горизонты нравственных императивов. Посредством цели осуществляется связь свободы и нравственности субъекта, а выбор цели, таким образом, выступает критерием автономности экзистенции в ее нравственно-критическом самоопределении.

Итак, цель - это и есть сам субъект, выраженный через потребность в самореализации и коррелирующий проявление своей индивидуальности требованиями нравственных императивов. Верно, что цели мы сами выбираем для себя, исходя из тех потребностей роста, которые имманентны каждому индивидуальному сознанию. Но правильно также и то, что и сама цель, и средства ее достижения должны постоянно подвергаться проверке категорическим императивом нравственности, который устанавливает личность для себя как саморегулирующий закон организации своего бытия. Таким образом, человеческое бытие отдается во власть свободы, а человек становится ответственным за него.

Итак, человек как родовое существо несвободен. Мы не контролируем всех условий окружающей нас реальности. И если

мы будем сводить человека только к родовой сущности, то с неизбежностью придем к отрицанию свободы в онтологическом значении. Свобода в таком случае может выразить себя гносеологически - как осознанная необходимость. Но, проецируя родовую несвободу на индивида, мы тем самым обесмысливаем и аксиологию, и этику: ведь выбор ценностей и принятие для себя категорического императива могут осуществляться только в свободном полагании.

Отрицание свободы, с экзистенциальной точки зрения, является не более чем философской спекуляцией, ибо весь опыт человеческой жизни предстает как бесконечная цепь ситуаций выбора. Я осуществляю свой проект себя-иного, выбирая тот путь, который считаю наилучшим. Я не могу не выбирать, ибо отказ от выбора - тоже выбор. Я «обречен на свободу» (Сартр Ж.-П.).

Проблема свободы - стержневая проблема экзистенциальной философии, поскольку именно она делает очевидным тезис, согласно которому часть больше целого: человек существует через расширение индивидуального поля свободы, общество - через ее ограничение и приведение к единому образцу.

Истина феномена свободы - обретение достоинства через полагание человечности. Этот общий для всей экзистенциальной философии принцип получает различную интерпретацию у Н. Бердяева, Ж.-П. Сартра, А. Камю, в других философских системах. При этом в каждой из них наряду с онтологическим подходом к свободе в большей или меньшей степени используется метафизический, при котором свобода выступает не столько как выбор, а как творческая, неалгоритмизируемая и в значительной степени иррациональная деятельность. Общие же принципы экзистенциального понимания свободы содержат следующие моменты.

а. Свобода событийна, она представляет собой значительную жертву зависимостью (даже если последняя гарантирует благополучие) и выход в неизвестность;

б. Свобода должна содержать в себе цель, иначе она будет «отпадением от бытия», гротеском, произволом;

в. Свобода воли должна подкрепляться социальными гарантиями свободы деятельности, устранением любых форм социального насилия.

Итак, экзистенциальное понимание свободы утверждает ее в качестве главного условия самоосуществления личности. При этом свобода не есть ни осознание необходимости, ни уход

в небытие, ни стремление к счастью, ни произвол, ни условность критериев выбора оснований человеческой деятельности. Зато она предполагает опыт альтернативного поиска себя и своей позиции в бытии. Последнее же обеспечивает «я» ситуациями безысходности, страха, тревоги, греха, любви, страдания и т. д., требуя от личности четкой позиции по всем вопросам. Исходный предъявляемый бытием вопрос «зачем я живу?» предполагает свободу и ответственность, так как не только соотносит «я» с реальностью, но и переносит экзистенцию в аксиологическое измерение, выражая ее в отношении. Именно потому, что свобода - не бытие, а отношение, она выступает в роли коррелята бытия. При этом свобода является единственной возможностью для человека не просто осознать свое призвание в мире, но выполнить свою миссию, свое предназначение.

Свобода проявляет себя в полагании цели и выборе средств ее достижения, в творческом акте и претворении мира, в самоопределении индивида, принимающего на себя всю полноту ответственности за совершенные действия и их последствия. Но, полагая цель, мы полагаем будущее, которое (как идеальный образ) присутствует в настоящем. Мы соответствующим образом относимся в этой цели, проецируем ее на бытие, требуя от него определенных изменений согласно нашей свободе. В этом смысле можно рассматривать свободу как экзистенцию, придающую необходимую целостность не только духовному содержанию субъекта, но и организующую мир в темпоральной последовательности. Свобода - экзистенциальная потребность, вечный модус человеческого бытия, выступая «онтологическим архитектором мира» (Лаин), необходимо предполагает ответственность, не имеет права существовать без ответственности. «В самоидентичности само сознание ясно выражает себя не как самоотнесенность познающего субъекта, но как этическое самоутверждение ответственной личности, - подчеркивает Ю. Хабермас). - Индивидуальная личность проецирует себя в рамках интерсубъективного горизонта мира в качестве кого-то, кто ручается за более или менее четко намеченную непрерывность более или менее сознательно освоенной истории жизни» (Хабермас Ю. Понятие индивидуальности // *Вопр. философии.* - 1989. - № 2. - С. 38).

Эти освоенные горизонты жизненного мира предполагают выход за пределы единичности и соотнесенность «я» с другими «ты». В момент диалога «я» с «ты» и должна возникнуть ответственность, прогнозирующая последствия включения в жизненное пространство «я» автономии другого:

ведь реальность открыта и содержит множество различных, часто исключаящих друг друга возможностей. Если свобода не уравновешивается ответственностью, она тем самым отрицает будущее как цель, превращает его в непрогнозируемый ужас, крах, кризис как для «ты», так и для «я».

Необратимость последствий осуществления безответственной свободы была замечена давно. Их пытались нейтрализовать самыми различными способами - от табуирования жизни в первобытном обществе до растворения свободы в необходимости (Спиноза), долге (Кант), общественных интересах (Маркс). Философия рационализма усматривала в человеке носителя формальной свободы, эгоиста и требовала от него добровольного принятия общественного закона, повиновения социальным нормам, самостоятельного выбора в пользу несвободы. Однако же индивидуальная самопрезентация требует ответа на вопрос «что я должен сделать?», а не «что мне разрешено?» Никакое общество, никакая система социальных догм, внутренних принципов и парадигм поведения не в состоянии сделать из индивида свободной творческой личности, целостной и сильной духом, с чувством собственного достоинства и независимым интеллектом.

Личность - не часть целого и не может подчиняться всем действующим в обществе нормам и правилам (вдруг они античеловечны?) без их критического осмысления. Личность не может отдаться единому доминирующему мнению, установленному для нее другим лицом или группой лиц, а будет пытаться решить проблему самостоятельно, взвешивая все возможные последствия того или иного выбора. И в случае ошибки личность честно оплатит свой долг, а не станет уклоняться от ответственности в экологические ниши закона - природного ли, правового ли, социального ли.